

Deputations of the Kazakh Ruling Elite to the Court of the Russian Emperors (mid – second half of the 19th century)

Olga E. Gundova

Altai State University. Barnaul, Russia. Email: [olga.gundova13\[at\]gmail.com](mailto:olga.gundova13[at]gmail.com)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>

Received: 25 March 2023 | Revised: 2 June 2023 | Accepted: 12 June 2023

Abstract

The article explores the history of Kazakh deputations to the Russian imperial court in the mid-to-late 19th century. For the first time in historiography, we have analyzed the deputative missions of the Kazakhs during this period as a mechanism for interaction between the imperial ruling circles and the steppe elite. The article aims to scrutinize the goals and objectives of sending deputations, the composition of participants, and the characteristics of this practice throughout its existence.

Amidst the social transformation of Kazakh society – spurred by the integration of the steppe region into the broader imperial space – the status of the local elite began to be determined more by personal merits to the empire than by class origin. The Russian authorities viewed the practice of deputations as a means of bolstering the loyalty of the steppe aristocracy, and also to draw them in as participants in the empire’s civilizing mission in the East.

For the Kazakh elite, this practice provided an opportunity to solidify the authority among their peers, served as recognition of their merits at the highest level, and offered a path to integrate into the pan-Russian administrative class. Over the period in question, the number of petitions submitted by representatives of the Kazakh elite has consistently dwindled. By the end of the 19th century, the practice of deputations had ultimately degenerated and began to assume a mostly symbolic role.

This article is intended for specialists studying the policy of the Russian Empire in Kazakhstan.

Keywords

Russian Empire; Kazakh Steppe; Kazakhs; Kazakh Elite; Zhuzes; Russian-Kazakh Relations; Deputative Missions; Kazakh Deputations; Interaction Practices; Civilizing Mission

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Депутации казахской правящей элиты ко двору российских императоров (середина – вторая половина XIX века)

Гундова Ольга Евгеньевна

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

Email: [olga.gundova13\[at\]gmail.com](mailto:olga.gundova13[at]gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2574-0625>

Рукопись получена: 25 марта 2023 | Пересмотрена: 2 июня 2023 | Принята: 12 июня 2023

Аннотация

Статья посвящена истории казахских депутатий к российскому императорскому двору в середине – второй половине XIX в. Впервые в историографии депутатские миссии казахов рассматриваемого периода анализируются как механизм взаимодействия между имперскими правящими кругами и степной элитой. Целью статьи является анализ целей и задач направления депутатий, состава участников, особенностей данной практики на протяжении ее существования.

В условиях социальной трансформации казахского общества, вызванной процессами интеграции степного региона в общеимперское пространство, положение местной элиты стало определяться в большей степени личными заслугами перед империей, а не сословным происхождением. Российские власти видели в практике депутатий средство повышения лояльности степной аристократии, а также привлечения ее в качестве актора цивилизаторской миссии империи на Востоке.

Для представителей казахской элиты она была возможностью укрепить свой авторитет среди соотечественников, формой признания их заслуг на высочайшем уровне, способом встроиться в общероссийский управленческий класс. На протяжении рассматриваемого периода неуклонно сокращалось число прошений, подаваемых представителями казахской элиты, к концу XIX в. практика депутатий окончательно выродилась и стала носить символический характер.

Статья рассчитана на специалистов, занимающихся изучением политики Российской империи в Казахстане.

Ключевые слова

Российская империя; Казахская степь; казахи; казахская элита; жузы; российско-казахские отношения; депутатские миссии; казахские депутатии; практики взаимодействия; цивилизаторская миссия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Российская империя представляла собой крупное многонациональное государство, включавшее в себя регионы, значительно различающиеся в социально-культурном, экономическом, конфессиональном плане. Это предопределило дифференцированный подход российских властей к интеграции различных территорий в состав империи, в том числе в вопросе выработки коммуникативных практик имперских органов власти и региональных национальных элит.

Для обеспечения лояльности казахской аристократии российские власти использовали целый комплекс практик: от материального стимулирования до посылки в степь карательных экспедиций, от заимствования в свой арсенал монгольских институтов управления кочевыми вассалами до создания новых форм межкультурного взаимодействия. Одним из активно используемых механизмов российско-казахского взаимодействия стала отправка делегаций от степной элиты к российскому императорскому двору. В данной статье будут проанализированы казахские делегации середины – второй половины XIX в. как способ взаимодействия между имперскими правящими кругами и степной элитой.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (Фонд 1291 – Земский отдел МВД, Фонд 1286 – Департамент полиции исполнительной МВД), Объединенного государственного архива Оренбургской области (Фонд 6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора, г. Оренбург 12.12.1796-12.07.1881), Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Фонд И-4 – Областное правление оренбургскими киргизами, г. Оренбург). Они представлены перепиской центральных и региональных органов власти (МИД, МВД, западносибирского генерал-губернатора), перепиской региональных органов власти и представителей казахской элиты по вопросам организации поездки и пребывания казахских депутатов в Санкт-Петербурге, наград для них. Большая часть использованных при подготовке статьи материалов опубликована в сборнике «Казахские делегации к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.» (Казахские делегации, 2020). Кроме этого, к анализу предмета исследования привлекались материалы периодической печати, содержащие отдельные сведения о направлении делегаций в столицу. Совокупность используемых источников позволила считать цели исследования в полной мере достигнутыми.

Исследование основано на принципах историзма и объективности. Историко-сравнительный метод позволил выявить эволюцию во взглядах центральных и региональных органов власти на цели и задачи направления

депутаций казахской элиты в Санкт-Петербург, что в свою очередь дало возможность выделить в истории депутатских миссий второй половины XIX в. несколько этапов. Историко-системный метод применялся для реконструкции истории рассматриваемых депутатий во взаимосвязи с общей историей политики Российской империи в степном регионе.

Обсуждение

Вопросы, связанные с анализом практик властной коммуникации российских органов управления с казахской правящей элитой в целом и казахских депутатий в частности, стали активно разрабатываться только на современном этапе. Дореволюционными авторами эти депутатии рассматривались главным образом как инструмент цивилизаторской миссии, который демонстрировал казахам-кочевникам цивилизационное превосходство Российской империи, способствовал распространению в степи оседлого образа жизни и верноподданнических настроений (Артемьев, 1859; Небольсин, 1860; Плотников, 1860).

В советской историографии, в рамках господства формационной теории и теории классовой борьбы, такие исследования не поощрялись по идеологическим причинам.

После распада СССР в рамках «имперского поворота» в исторической науке, как в нашей стране, так и за рубежом значительно возрос интерес исследователей к изучению механизмов и форм коммуникации правящих кругов Российской империи с казахской аристократией. Историография казахских депутатий ко двору российских императоров получила развитие в нескольких направлениях. Наиболее многочисленным из них является изучение политического и символического значения репрезентации власти (Уортман, 2004а, 2004б; Сухих, 2005; Ремнев & Сухих, 2006; Султангалиева, 2015; Трепавлов, 2017; Избасарова, 2018; Кэмпбелл, 2022). Предпринимаются также попытки реконструкции истории депутатских миссий (Хазреталикызы, Турсун, Альжанова & Сайлаубай, 2020; Казахские депутатии, 2020, с. 3–16). Обстоятельный анализ казахских депутатий первой половины XIX в. как механизма взаимодействия между имперскими правящими кругами и степной элитой ранее проводился Ю. А. Лысенко в ряде работ (Лысенко, 2018, 2019а, 2019б), что обусловило выбор нижней хронологической границы статьи. Вместе с тем, особенности депутатских миссий середины – второй половины XIX в. как практики взаимодействия между органами власти Российской империи и казахской правящей элитой не стали предметом специального научного исследования.

Результаты

Отправка казахских депутатий в Санкт-Петербург и Москву как способ выстраивания отношений между центральными имперскими властями и окра-

инной инациональной элитой стала практиковаться еще в XVIII столетии (Трепавлов, 2017, с. 270). Такой формат взаимодействия оказался выгодным для всех участников процесса. Степная элита таким образом продемонстрировала свою лояльность российским властям. Для казахской аристократии поездка в столичные города и представление императорской особе становилась возможностью повысить в глазах соотечественников свой авторитет, причем эта возможность материально воплощалась в денежном вознаграждении или статусных подарках (Ремнев & Сухих, 2006, с. 124–125).

Прием депутатских миссий казахов в Санкт-Петербурге стал ограничиваться после принятия Уставов о сибирских и оренбургских казахах 1822 и 1824 гг. Позиция Азиатского департамента МИД, в ведении которого находилось управление казахами, состояла в том, что большинство проблем казахского общества могло и должно было решаться на региональном уровне (Казахские депутации, 2020, с. 521). По этой причине к концу 30-х – 40-м гг. XIX в. данная практика почти утратила заложенный в нее механизм двустороннего обсуждения проблем российско-казахских отношений (Лысенко, 2018, с. 1527).

С отказом от компоненты политического диалога к середине XIX в. цели и задачи отправки депутатских миссий казахов в столицу стали смещаться в сторону их потенциала как способа взаимного сближения российской и казахской элит. В 1846 г. оренбургский военный губернатор В. А. Обручев выступил с инициативой отправить в столицу депутацию султана-правителя Западной части Младшего жуза¹ Баймухаммеда Айчувакова. По мнению губернатора,

«удовлетворение его (Б. Айчувакова – О.Г.) просьбы и допущение к высочайшему двору будет для него самого лестною наградою за усердие и добрые его подвиги и может даже иметь благоприятное влияние на умы киргизов, которые в таковой милости к главному их представителю будут видеть как бы знак внимания ко всему их народу» (Казахские депутации, 2020, с. 586).

Инициативу местных властей поддержали в Санкт-Петербурге, и более того, предложили В. А. Обручеву через год или два представить для отправки в столицу кандидатуру другого султана-правителя, заслуживающего такого поощрения (Казахские депутации, 2020, с. 595–596).

Для казахской элиты депутатские миссии в столицу по-прежнему сохраняли свою актуальность. Результатом реформ системы управления степью конца XVIII – первой половины XIX вв. стало включение правящей элиты

1 Понятием «жуз» обозначается исторически сложившееся этнополитическое объединение казахских племён и родов. Каждый жуз включает определённые ответвления и роды, которые, в свою очередь, состоят из более мелких родов. Всего сложилось три жуза: Младший, Средний и Старший. Младший жуз охватывал области Западного Казахстана, в которых проживали племенные объединения алимулы, байулы и жетыру. Средний жуз занимал районы Центрального и Северо-Восточного Казахстана и объединял обитавшие здесь племена кыпчак, аргын, найман, керей, конграт, уак. Старший жуз располагался на территории Южного Казахстана, в его состав входили племена и роды албан, дулат, ошакты, суан, шапрашты, ысты, сары-уйсын, канглы, жалайыры, сиргели, шаньшкылы, шакшам.

кочевников в сословно-бюрократическую систему Российской империи. При этом в местные органы власти назначались лишь те представители султанского сословия, которые проявляли лояльность российскому престолу и готовность проводить цели имперской политики в жизнь, остальная часть сословия «белой кости» законодательно лишилась права на политическую власть. Место представителей казахской аристократии в обществе стало определяться уже не сословной принадлежностью, а верностью империи, личными способностями и заслугами перед Россией, умением привлечь свой род, отделение или племя на службу империи и этим самым сохранить свое влияние и власть (Масанов, Абылхожин, Ерофеева, Алексеенко, & Баратова, 2000, с. 180-181). Исследователь Области сибирских казахов середины XIX в. Н. И. Красовский отмечал:

«Дарованные киргизам за их заслуги офицерские чины и другие знаки отличий, доставляя легче попасть на место по управлению народом, доставляют, вместе с тем, таким лицам и больший почет, нежели звание султана мало известного рода, в среде которого нет или не было лиц, занимавших общественные должности» (Красовский, 1868, с. 406-407).

В 1847 г. Баймухаммед Айчуваков отправился в Санкт-Петербург выражать свои верноподданнические чувства и «признательность за монархии щедроты», проявленные к самому просителю и казахскому народу в целом (Казахские депутации, 2020, с. 586). Его поездка оказала мощный «демонстрационный эффект» на казахскую элиту. В 1848 г. с аналогичной просьбой к оренбургским властям обратился султан-правитель Восточной части Младшего жуза Ахмет Джантюрин, в ответ на которую ему разрешили приехать столицу в 1850 г. (Казахские депутации, 2020, с. 609, 611). В январе, затем в марте-апреле 1855 г. Санкт-Петербург с той же целью посетили депутации казахов Среднего жуза, в состав которых входил старший султан Баян-Аульского внешнего округа Муса Чорманов и другие уважаемые представители степной элиты (Джаксыбаев, 2008, с. 58-59; РГИА, 1855, л. 7). В августе 1856 г. представители казахов Внутренней орды, Семипалатинской области и Области сибирских казахов принимали участие в коронации императора Александра II (Казахские депутации, 2020, с. 11-12).

Механизм получения разрешения на поездку выглядел следующим образом. Представители казахской элиты подавали прошение на проезд оренбургским или западно-сибирским властям. Затем ходатайства поступали в Азиатский департамент МИД (с 1860 г. управление казахами Младшего жуза было передано в МВД) и передавались императору, который принимал окончательное решение о приезде депутации ко двору. Местные власти (султаны-правители или старшие султаны) самостоятельно отбирали участников депутации, однако все кандидатуры в обязательном порядке утверждались региональными властями (оренбургским или западно-сибирским генерал-губернатором). Численность и состав были регламентированы: в нее следовало вклю-

чать двух-трех султанов и трех-четыре старшин, имеющих заслуги перед империей (Казахские депутации, 2020, с. 592, 613–614). В случае превышения установленного лимита, делегаты должны были путешествовать за собственный счет (2020, с. 593–594). Депутацию сопровождали в столицу пристав, который одновременно являлся и переводчиком, и два урядника (2020, с. 586–587, 607–619).

Поскольку поездка к императорскому двору считалась формой награждения и признания заслуг конкретного представителя казахской элиты перед империей, местные власти писали характеристику на каждого участника депутации, в которой подчеркивали их верноподданническую преданность и перечисляли заслуги. К таковым относились: безупречная служба в имперской администрации, освобождение российских подданных из среднеазиатского плена, участие в подавлении восстания Кенесары Касымова, Хивинском походе и т.п. (Казахские депутации, 2020, с. 601–602, 621–624)

В отличие от депутатских миссий первой трети XIX в., прошения казахской аристократии в середине века не были представлены заранее в письменном виде, а подавались султанами во время пребывания в Санкт-Петербурге. Ахмет Джантюрин и его свита обратились в МИД с просьбами о защите казахов от притеснений со стороны линейных казаков, прекращении возведения военных укреплений в степи и об оказании помощи казахским родам, пострадавшим от разорения их хивинцами. Просьбы А. Джантюрина в конечном счете утонули в бюрократической волоките (Казахские депутации, 2020, с. 643–651).

Советник Областного правления сибирских казахов Чингис Валиханов, посетивший столицу в марте 1855 г., просил определить своего сына Абул-Макаджана в училище для глухонемых за счет казны, его просьба была выполнена (Валиханов, 1985, с. 39; РГИА, 1855, л. 33–33 об.).

Помимо приема у императора для депутатий были организованы экскурсии по Санкт-Петербургу. «Культурная программа» делегатов кроме познавательных целей имела идеологическую составляющую. Имперские правящие круги рассчитывали, во-первых, стимулировать казахов-кочевников реформировать их экономическую деятельность на началах земледелия и промышленности (посещение образцовых фермерских хозяйств, мануфактурных и фабрично-заводских предприятий); во-вторых, сформировать у степных подданных представление о великолепии и могуществе империи (посещение театров, музеев и высших учебных заведений и т.д.) (Ремнев & Сухих, 2006, с. 139–140).

По итогам депутатских миссий происходило награждение их участников. Формами наград выступали чины, ордена, золотые и серебряные медали, денежные суммы, освобождение от уплаты кибиточной подати, ткань для пошива кафтана, иногда памятные подарки, например, золотые часы (Казахские депутации, 2020, с. 602–603, 642–643, 674–675).

Пожалование казахскому султану высокого воинского чина становилось событием регионального масштаба. Так, сразу после присвоения Баймухам-меду Айчувакову звания генерал-майора Азиатский департамент приказал известить об этом во всех трех частях Младшего жуза, информировать начальников дистанций, комендантов укреплений Оренбургской и Сибирской линий. По возвращении в Оренбург вся депутация обязывалась еще раз подтвердить присягу на верность империи (Касымбаев, 2000, с. 142–143).

К концу 1850-х гг. при направлении казахских deputаций к императорскому двору на первый план выдвинулась цивилизаторская патетика. В 1859 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин ходатайствовал в Министерство иностранных дел о возобновлении данной практики в отношении оренбургских казахов после 10-летнего перерыва, настаивая именно на полезности этих поездок для формирования у казахской элиты соответствующего образа Российской империи, на что получил разрешение. Цели deputаций А. А. Катенин сформулировал следующим образом:

«Подобные, время от времени, посылки в столицу империи некоторого числа киргизов, знакомя кочевников этих наглядным и потому самым убедительным образом с пространством, могуществом и блеском России, с выгодами и удобствами европейской цивилизации. Познакомившись со всем этим, киргизы возвращались уже в аулы свои людьми с новыми понятиями, переставали считать возможною для себя какую-либо борьбу с нашим правительством, весьма ослабевали в удивлении своем перед Хивой, Бухарой и Коканом, которые признавали дотоле за владения, если не сильнейшие, то равносильные России, проникались, наконец, и это всего важнее, расположением ко всему русскому взамен прежнего пристрастия к своему кочевому и магометанскому» (Казахские deputации, 2020, с. 662).

В 1859 и 1860 гг. А. А. Катенин направил в Санкт-Петербург две депутатские миссии, состоявшие из казахов Младшего жуза и Внутренней орды. Российская администрация, будучи инициатором поездки, сама формировала состав deputаций. Желаемым кандидатам направлялись письма с приглашением посетить столицу. Представители казахской элиты могли отказаться от поездки, однако имперские власти расценивали это как неуважение (Казахские deputации, 2020, с. 655–657, 681–682). Корректировка целей этих поездок обусловила изменение требований к составу deputаций. Теперь осознать величие и могущество империи требовалось не только лояльным российским властям казахской элите, но и противникам имперской политики. По этой причине в состав deputации 1859 г. был включен Есет Котибаров, возглавлявший восстание казахов в 1855–1858 гг., а в 1860 г. столицу посетил его родственник и сподвижник Азберген Мунайтпасов (Казахские deputации, 2020, с. 662, 687). Данные миссии не подавали прошений, их пребывание в Санкт-Петербурге сводилось к осмотру достопримечательностей.

В результате расширения границ империи на юг и восток Центральной Азии в российских владениях оказалась часть казахской элиты региона, ранее

подвластная Кокандскому ханству и Цинской империи. Новые подданные также получили возможность отправиться к императорскому двору. После образования Туркестанской области местная элита в 1865 г. обратилась к военному губернатору М. Г. Черняеву с просьбой об отправке делегации в столицу, однако ее организация была отложена на неопределенный срок (Петербургская хроника, 1867, март 17, с. 2). Вскоре региональные власти вновь подняли этот вопрос. Поскольку Туркестанская область находилась под управлением Военного министерства, именно это ведомство курировало организацию депутатской миссии. В сентябре 1866 г. Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский обратился к военному министру Д. А. Милютину с просьбой направить в Санкт-Петербург делегацию представителей элиты Туркестана для «принесения его величеству благодарности за принятие их в русское подданство и избавление от азиатского деспотизма», а также «для доставления влиятельным лицам возможности ознакомиться с могуществом нашей империи и с благами благоустроенного государства» (Казахские делегации, 2020, с. 12). В октябре 1866 г. Генеральный штаб Военного министерства сообщил командующему Оренбургским военным округом о согласии Александра II принять делегацию, в ноябре о решении императора сообщили Н. А. Крыжановскому. Участников поездки частью избирали представители местной элиты, частью назначали Оренбургский генерал-губернатор и Туркестанский губернатор. Главным критерием отбора были заслуги перед российскими властями при покорении Туркестана и полученные за это награды. Туркестанская делегация отражала этническое многообразие региона; помимо казахской элиты в нее были включены представители других народов – делегация состояла из 17 участников: из них 10 сартов, 6 казахов и 1 кыргыз (Хазреталикызы, Турсун, Альжанова & Сайлаубай, 2020, с. 691–692).

Делегация прибыла в Санкт-Петербург в марте 1867 г. В представленном императору прошении затрагивались вопросы реформирования судебной системы региона, снижения налогов, а также жалобы на начальника туземного населения Ташкента Р. В. Серова. Примечательно, что до императорской канцелярии эти просьбы не дошли, поскольку именно Р. В. Серова военный губернатор Туркестанской области назначил главой делегации (теперь российский чиновник мог не только сопровождать делегацию, но и возглавлять ее). По этой причине представители делегации были вынуждены представить прошение императору только при личной встрече (Хазреталикызы, Турсун, Альжанова & Сайлаубай, 2020, с. 693–694).

После определения по Чугучакскому протоколу российско-китайской границы в Центральной Азии в 1867 г. было открыто Зайсанское приставство, начавшее оформлять в российское подданство кочевавших на этих территориях курчумских и бухтарминских казахов (Моисеев, 2003, с. 62). В результате административно-территориальных преобразований 1869 г. в Семипалатинской области Кокпектинский уезд и Зайсанское приставство были разде-

лены на две части: северную, образующую Усть-Каменогорский уезд, и южную, образующую Зайсанское приставство (Расформирование Семипалатинской области, 1871, с. 169).

В 1872 г. казахская элита этих территорий представила зайсанскому приставу и усть-каменогорскому уездному начальнику приговоры, в которых ходатайствовала о направлении в Санкт-Петербург делегации «для выражения пред его императорским величеством верноподданнической благодарности всего народа за принятие в подданство и за те милости, которые вместе с тем оказаны». Информация была направлена военному губернатору Семипалатинской области, от него – к генерал-губернатору Западной Сибири А. П. Хрущеву, который в свою очередь направил отношение с просьбой о разрешении на отправку делегации министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. С разрешения императора делегации было позволено приехать в столицу в декабре 1872 г. Казахскую делегацию из 16 человек сопровождали два чиновника Зайсанского приставства и переводчик (Казахские делегации, 2020, с. 696–700). На приеме у императора депутаты представили просьбу о принятии в российское подданство своих сородичей, кочующих в китайских границах. Несмотря на риск осложнения отношений с империей Цин вследствие нарушения Чугучакского протокола, просьба была исполнена. После этого оказанные казахам милости получили конкретную формулировку: «принятие их родичей в подданство России и введение нового положения об управлении в степных областях» (Казахские делегации, 2020, с. 697–698).

Наполнение цели делегации новым содержанием было связано с недавним восстанием казахов Уральской и Тургайской областей в 1868–1869 гг., которое было вызвано недовольством части степного населения введением в 1868 г. «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства». В 1876 г. делегация казахов из этих областей в составе 16 человек во главе с уральским уездным начальником В. М. Ладыженским посетила Санкт-Петербург для выражения «верноподданнической преданности» за дарованное им «Временное положение» (Казахские делегации, 2020, с. 13).

Последующие делегации были приурочены к важным событиям в жизни государства и императорской семьи, таким как коронации, бракосочетание, празднование 300-летия Дома Романовых и т.д. Российские власти ужесточили критерии отбора кандидатов в состав делегаций. К ним относились знание русского языка, высокий личный авторитет и привилегированное положение в казахском обществе, наличие заслуг перед империей. Кандидатуры депутатов согласовывались в Земском отделе МВД, где казахов курировал их соотечественник Губайдулла Чингисхан. На каждого составлялась характеристика, в которой указывалось его сословное происхождение, вероисповедание, заслуги перед российскими властями и награды (Ремнев & Сухих, 2006, с. 148–150).

В 1881 г. делегация казахов Уральской области отправилась в Санкт-Петербург, чтобы выразить императору Александру III «скорбь киргизского народа» по поводу кончины его отца. В состав делегации входили помощники уездных начальников Уральской области Иржан Чулаков и Мухамеджан Сарыходжин (Хроника, 1892, июнь 12, с. 3). В том же году казахская делегация участвовала в торжестве в честь восшествия на престол императора Александра III (Султангалиева, 2021, с. 63). В 1883 г. на его коронацию в Москву были направлены делегации от каждой области Степного генерал-губернаторства. Их состав был многонациональным (хотя казахи численно преобладали); он был представлен действующими и бывшими чиновниками имперской администрации, их близкими родственниками, отставными военными.

В 1895 г. император Николай II принял делегацию от Астраханской губернии, направленную для принесения «верноподданнических поздравлений» по случаю бракосочетания монарха. В их числе было 3 депутата от казахов Внутренней орды. На коронации Николая II в 1896 г. делегация от «туземного населения» степных областей, состоявшая из 10 человек, включала 7 депутатов от казахов; из них 5 были служащими имперской администрации в должности волостных управителей (Казахские делегации, 2020, с. 13–14).

В 1898 г. делегация, включавшая представителей казахской элиты, приняла участие в торжестве по поводу открытия и освящения памятника императору Александру II в Москве (История Казахстана, 2006, с. 420–421). Прошений вышеперечисленные миссии не подавали, их цель сводилась к участию в мероприятиях.

Окончательный отказ имперских властей от политического диалога со степной элитой в рамках практики депутатских миссий привел к тому, что казахское общество предпринимало попытки обсуждать и решать актуальные проблемы отношений с российской стороной не только с императорским двором, но и с другими властными структурами. Так, казахи степных областей, лишившиеся по избирательному закону от 3 июля 1907 г. права участия в выборах в Государственную думу, заявили о намерении отправить к председателю Совета министров делегацию с ходатайством о восстановлении их прав (Из жизни и прессы мусульман, 1907, с. 56–57).

В 1909 г. в Санкт-Петербург в Государственную думу прибыла казахская делегация из 4 человек с ходатайством об урегулировании вопросов обезземливания кочевников (Тимаев, 1909, с. 60). В том же году казахи Толстовского участка Кокчетавского уезда отправили своего депутата в Санкт-Петербург с ходатайством о разрешении земельного спора с Переселенческим управлением, и вопрос был решен в пользу кочевников (Хроника, 1909, май 30, с. 51).

Данные факты, на наш взгляд, свидетельствуют о важности для казахской элиты практики отправки депутатских миссий в столицу империи как способа взаимодействия с российскими правящими кругами в условиях, когда направ-

ление депутатий к императорскому двору стало носить символический характер.

Выводы

Реформы управления первой половины XIX в. в Младшем и Среднем жузах привели к тому, что все вопросы взаимодействия с казахским обществом были переданы региональным органам власти. Начавшаяся политическая и социально-экономическая интеграция степного региона в общеимперское пространство сделала поездки местной элиты в столицу империи для обсуждения актуальных проблем двусторонних отношений ненужными. В то же время потенциал депутатий для укрепления взаимосвязей имперских правящих кругов с элитой периферийного этнорегиона не был исчерпан. Российские власти видели в данной практике способ повышения лояльности степной аристократии, привлечения ее в качестве актора цивилизаторской миссии империи на Востоке.

Ведущее место в отправке казахских депутатий к российскому императорскому двору в середине и второй половине XIX в. занимали региональные администрации. Они определяли состав участников поездки, исходя в своем выборе из послужного списка кандидата и внутривластной обстановки в степи, решали часть организационных вопросов, в ряде случаев сами выступали инициаторами направления депутатий. Как правило, приоритет отдавался тем представителям местной элиты, которые состояли на государственной службе, имели особые заслуги и доказали верность российскому престолу.

Казахская аристократия использовала поездки как для обсуждения актуальных общественных проблем: конфликтов между казахами и линейным казачеством, строительства военных укреплений и т.д., так и для решения личных проблем, например, устройства будущего своих детей. В процессе обсуждения прошений российские власти шли на компромисс, только если удовлетворение просьб не противоречило имперской политике в регионе.

Для казахской элиты участие в депутатских миссиях было способом укрепить свой авторитет среди соотечественников, а награды и подарки служили видимым подтверждением благосклонности российского монарха. Это было особенно важно в условиях социальной трансформации традиционного казахского общества, когда по мере углубления интеграции степного региона в общеимперское пространство начала складываться новая элита, чьи права и привилегии основывались уже не на сословном происхождении, а на личных заслугах. Таким образом, практика депутатий способствовала инкорпорации казахской элиты общероссийский управленческий класс.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX – начало XX в.)»).

Список литературы

- Артемьев, А. (1859). Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. *Журнал министерства внутренних дел*, 38(10), 1–44.
- Валиханов, Ч. Ч. (1985). *Собрание сочинений в пяти томах* (Т. 5). Главная редакция Казахской советской энциклопедии.
- Джаксыбаев, С. И. (2008). *Записки краеведа*. ЭКО.
- Из жизни и прессы мусульман. (1907). *Туркестанский сборник*, 450, 56–57.
- Избасарова, Г. Б. (2018). *Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века*. ИП Лысенко А.Д. Press-Book.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Т. 8. Ч. 2: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: Алфавитные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. (2006). Дайк-Пресс.
- Казахские депутации к российскому императорскому двору. 1801–1873 гг.: Сборник документов*. (2020). Казак университеті.
- Касымбаев, Ж. К. (2000). *Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847 гг.)*. Өлке.
- Красовский, Н. И. (1868). *Область сибирских киргизов. Часть 1*. Типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера.
- Кэмпбелл, Я. (2022). *Знание и окраины империи: Казахские посредники и российское управление в степи, 1731–1917*. Библиороссика.
- Лысенко, Ю. А. (2018). Депутатские миссии» казахских ханов, султанов и родоправителей ко двору российских императоров в первой половине XIX в. *Былые годы*, 50(4), 1518–1529. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.4.1518>
- Лысенко, Ю. А. (2019а). «Если возможно, возвести в ханское достоинство»: Восприятие этно-элитой Среднего жуза реформ 20-х гг. XIX в. (По материалам депутатской миссии казахских султанов в Санкт-Петербурге). *Былые годы*, 52(2), 615–623. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.2.615>
- Лысенко, Ю. А. (2019b). Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этно-элитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 10(8). <https://doi.org/10.18254/s207987840006066-1>
- Масанов, Н. Э., Абылхожин, Ж. Б., Ерофеева, И. В., Алексеенко, А. Н., & Баратова, Г. С. (2000). *История Казахстана: Народы и культуры*. Дайк-Пресс.
- Моисеев, М. А. (2003). *Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 гг.)*. АзБука.
- Небольсин, П. (1860). Путешествующие киргизы. *Русский вестник*, 29, 41–49.

- Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. (1892). *Хроника*.
- Петербургская хроника. (1867). *Голос*.
- Плотников, Л. (1860). По поводу статьи: Путешествующие киргизы. *Русский вестник*, 30, 245–277.
- Расформирование Семипалатинской области. (1871). *Туркестанский сборник*, 40, 169.
- Ремнев, А. В., & Сухих, О. Е. (2006). Казахские депутации в сценариях власти: От дипломатических миссий к имперским репрезентациям. *Ab Imperio*, 1, 119–154.
<https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023>
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1855). Ф. 1286. Оп. 16. Д. 407.
- Сибирские вопросы. (1909). *Хроника*.
- Султангалиева, Г. С. (2015). От пристава к приставству: Политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. В Г. С. Султангалиева (Ред.), *Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв: Сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: Сборник научных статей* (с. 237–265). Казак университеті.
- Султангалиева, Г. С. (2021). Образ династии Бекмухамедовых в процессе социальных изменений казахской степи (XIX – начало XX вв.). *Отан тарихы*, 3(95), 59–67.
https://doi.org/10.51943/1814-6961_2021_3_59
- Сухих, О. Е. (2005). Империя напоказ, или имперский опыт воспитания верноподданнических чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. В Н. Г. Суворова (Ред.), *Азиатская Россия: Люди и структуры империи. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Сборник научных статей* (с. 142–154). Издательство ОмГУ.
- Тимаев, К. А. (1909). Киргизский вопрос. *Туркестанский сборник*, 508, 60–61.
- Трепавлов, В. В. (2017). Казахская правящая элита в Российской империи. Церемониальное отображение подданства. *Страны и народы Востока*, 37, 263–297.
- Уортман, Р. С. (2004а). *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I*. ОГИ.
- Уортман, Р. С. (2004б). *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II*. ОГИ.
- Хазреталикызы, Р., Турсун, Х. М., Альжанова, Э. Е., & Сайлаубай, Е. Е. (2020). Реконструкция истории туркестанской депутации 1867 года. *Былые Годы*, 56(2), 687–698.
<https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.687>

References

- Artem'ev, A. (1859). Neskol'ko zametok o kirgizskoy stepi Orenburgskogo vedomstva. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*, 38(10), 1–44. (In Russian).
- Dzhaksybaev, S. I. (2008). *Zapiski kraevedy*. ЕКО. (In Russian).
- Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 8. Ch. 2: O pochetneyshikh i vliyatel'neyshikh ordyntsakh: Alfavitnye, formulyarnye i poslužhnye spiski. 12 noyabrya 1827 g. – 9 avgusta 1917 g. (2006). Dayk-Press. (In Russian).
- Iz zhizni i pressy musul'man. (1907). *Turkestanskiy sbornik*, 450, 56–57. (In Russian).

- Izbasarova, G. B. (2018). *Kazakhskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektakh i praktikakh pervoy poloviny XIX veka*. IP Lysenko A.D. Press-Book. (In Russian).
- Kasymbaev, Zh. K. (2000). *General, sultan-pravitel' Baymukhamed Ayshuakov (1790–1847 gg.)*. Olke. (In Russian).
- Kazakhskie deputatsii k rossiyskomu imperatorskomu dvoru. 1801–1873 gg.: Sbornik dokumentov*. (2020). Qazaq universiteti. (In Russian).
- Kempbell, Ya. (2022). *Znanie i okrainy imperii: Kazakhskie posredniki i rossiyskoe upravlenie v stepi, 1731-1917*. Bibliorossika. (In Russian).
- Khazretalikyzy, R., Tursun, Kh. M., Al'zhanova, E. E., & Saylaubay, E. E. (2020). Reconstruction of the History of Turkestan Deputation of 1867. *Bylye Gody*, 56(2), 687–698. <https://doi.org/10.13187/bg.2020.2.687> (In Russian).
- Krasovskiy, N. I. (1868). *Oblast' sibirskikh kirgizov. Chast' 1*. Tipografii Transhelya, Retgera i Shneydera. (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2018). «Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governs in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century. *Bylye Gody*, 50(4), 1518–1529. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.4.1518> (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2019a). «If It Is Possible, Build into Khan's Dignity»: the Perception of the 1920s Reforms by the Ethno-Elite of the Middle Zhuz XIX century (according to Materials of Deputy Missions of Kazakh Sultans to Petersburg). *Bylye Gody*, 52(2), 615–623. <https://doi.org/10.13187/bg.2019.2.615> (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2019b). Mechanisms of the Russian Empire Interaction with the Kazakh Ethnic Elite of the Younger and Middle Zhuzes (18th – 19th Centuries). *Istoriya*, 10(8). <https://doi.org/10.18254/s2079878400060666-1> (In Russian).
- Masanov, N. E., Abylkhozhin, Zh. B., Erofeeva, I. V., Alekseenko, A. N., & Baratova, G. S. (2000). *Istoriya Kazakhstana: Narody i kul'tury*. Dayk-Press. (In Russian).
- Moiseev, M. A. (2003). *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX v.–1917 gg.)*. AzBuka. (In Russian).
- Nebol'sin, P. (1860). Puteshestvuyushchie kirgizy. *Russkiy vestnik*, 29, 41–49. (In Russian).
- Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostyam. (1892). *Khronika*. (In Russian).
- Peterburgskaya khronika. (1867). *Golos*. (In Russian).
- Plotnikov, L. (1860). Po povodu stat'i: Puteshestvuyushchie kirgizy. *Russkiy vestnik*, 30, 245–277. (In Russian).
- Rasformirovanie Semipalatinskoy oblasti. (1871). *Turkestanskiy sbornik*, 40, 169. (In Russian).
- Remnev, A. V., & Sukhikh, O. E. (2006). Kazakhskie deputatsii v stsenariyakh vlasti: Ot diplomaticheskikh missiy k imperskim reprezentatsiyam. *Ab Imperio*, 1, 119–154. <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0023> (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1855). F. 1286. In. 16. C. 407. (In Russian).
- Sibirskie voprosy. (1909). *Khronika*. (In Russian).
- Sukhikh, O. E. (2005). Imperiya napokaz, ili imperskiy opyt vospitaniya vernopoddannicheskikh chuvstv u kazakhskoy znati v XVIII–XIX vv. In N. G. Suvorova (Ed.), *Aziatskaya Rossiya: Lyudi i*

- struktury imperii. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Remneva. *Sbornik nauchnykh statey* (pp. 142–154). Izdatel'stvo OmGU. (In Russian).
- Sultangalieva, G. S. (2015). Ot pristava k pristavstvu: Politika Rossiyskoy imperii v Kazakhskoy Stepi v pervoy polovine XIX v. In G. S. Sultangalieva (Ed.), *Kochevye narody Tsentral'noy Evrazii XVIII–XIX vv: Sravnitel'no-istoricheskiy analiz politiki Rossiyskoy imperii: Sbornik nauchnykh statey* (pp. 237–265). Qazaq universiteti. (In Russian).
- Sultangalieva, G. S. (2021). The Image of the Bekmukhamedov's Dynasty in the Process of Social Transformation of the Kazakh Steppe (XIX – beginning XX). *History of the Homeland*, 3(95), 59–67. https://doi.org/10.51943/1814-6961_2021_3_59 (In Russian).
- Timaev, K. A. (1909). Kirgizskiy vopros. *Turkestanskiy sbornik*, 508, 60–61. (In Russian).
- Trepavlov, V. V. (2017). Kazakhskaya pravyyashchaya elita v Rossiyskoy imperii. Tseremonial'noe otobrazhenie poddanstva. *Strany i narody Vostoka*, 37, 263–297. (In Russian).
- Uortman, R. S. (2004a). *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii. Vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. OGI.* (In Russian).
- Uortman, R. S. (2004b). *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii. Vol. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II. OGI.* (In Russian).
- Valikhanov, Ch. Ch. (1985). *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* (Vol. 5). Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii. (In Russian).